
Александр Пиров
Тридевятый тупик
Книга 3

Александр Пиров

Тридевятый тупик

«Автор»
2026

Пиров А.

Тридевятый тупик / А. Пиров — «Автор», 2026

Братья Винчестеры, привыкшие охотиться на демонов и прочую нечисть в американских штатах, неожиданно оказываются в России — и не просто в современной, а прямиком в волшебном Тридевятом царстве. Здесь привычные методы охоты не всегда работают: вместо привычных чудовищ — Баба Яга, Кощей Бессмертный, Леший и другие герои русских сказок, у каждого из которых свои правила и своя магия. Пытаясь найти путь обратно в привычный мир, Сэм и Дин учатся договариваться там, где раньше полагались на соль, святую воду и дробовик. Им предстоит не только выжить среди сказочных опасностей, но и понять: а так ли уж отличаются легенды разных стран, если зло везде ищет лазейку в человеческие сердца.

© Пиров А., 2026
© Автор, 2026

Александр Пиров
Тридевятый тупик

Фары выхватили ее в последнюю долю секунды.

Дин навалился на педаль тормоза всем весом. «Импала» взвизгнула резиной, зачерпнула мокрый щебень обочины и замерла в полуметре от тощей фигуры, вставшей прямо посреди полосы. Дворники с монотонным скрипом размазывали по стеклу холодную морось. За окном расстилалась глухая подмосковная ночь — та самая бессмысленная осенняя хмарь, в которой дорожные знаки тонут быстрее, чем успеваешь разглядеть поворот на Канзас. Ну, или хотя бы в сторону нормального аэропорта.

— Чудно... просто праздник какой-то, — выдохнул Дин, не выпуская баранку. Костяшки пальцев побелели. Ноющие после северных ледников ребра отозвались тупой вспышкой. — Какого черта она забыла на трассе?

Поперек дороги стояла древняя бабка в выцветшем сером сарафане, подвязанном пеньковой веревкой. На ногах — темные от сырости онучи и драные берестяные лапти, словно ее выдернули из музейной витрины краеведческого отдела. В узловатых пальцах старуха сжимала пушистое березовое помело на длинном кривом черенке и с остервенением скребла им абсолютно пустой мокрый асфальт. Слева направо. Вжик. Вжик.

Сэм торопливо опустил боковое стекло, впуская в прогретый салон запах прелых осин и бензиновой гари.

— Дин, погоди, дай подумать. Не дергайся.

Сэм высунулся в проем, стараясь придать голосу ту самую мягкую, вежливую интонацию, которую обычно приберегают для пе-

репуганных свидетелей:

— Бабушка! Поберегитесь, ночь на дворе, собьют ведь. Вам помочь? Подвезти куда?

Старуха даже не повернула головы. Только тонкие губы на морщинистом, похожем на сушеный грецкий орех лице презрительно скривились.

— Ишь, торопливые да нечистые! — дребезжащим, скрипучим фальцетом бросила она прямо в радиаторную решетку. Черенок в ее руках взметнулся вверх и с глухим стуком опустился на полированный край переднего бампера. — Не отесали вас, не омыли, а прут колесом железным по живому телу! Смрад от вас несет, гарью чужеземной воняет за три версты, кхе-кхе!

Дин дернулся, словно ударили не по железу шестьдесят седьмого года, а лично по его колену.

— Сэмми, доставай соль, — прорычал он, с силой толкая тяжелую дверцу. — Она только что огребла мою детку веником. Я ей это помело поперек хребта переломаю.

— Дин, стой!

Но Дин уже вывалился на промерзший асфальт, вскидывая обрез двенадцатого калибра. Запах мокрой кожи куртки смешался с острым духом полыни, внезапно потекшим от старухи.

— А ну убрала палку от капота, бабуля, пока я не начинил тебя крупным помолом! — рявкнул он, щелкая курком. — Шагом марш в кювет, живо!

Бабка медленно подняла голову. Из-под рваного холщового платка блеснули цепкие, ядовито-ореховые глаза, в которых не отражался свет фар. Она осклабилась беззубым ртом, издала сухой дребезжащий смешок и резко, поразбойничьи свистнула в два пальца.

— Поучи еще дорожную стражу, недоумок самопальный! — выкрикнула она и со свистом взмахнула березовыми ветвями снизу вверх.

Твердый асфальт под тяжелыми армейскими ботинками Дина дрогнул и вспучился. Черная полоса шоссе пошла рябью, свернулась гармошкой, ломаясь на куски, словно хрупкая корка льда. Вместо дорожной разметки из темноты хлынул водоворот из прелых желтых листьев, серого речного тумана и жирного торфяного чада. Пространство со стоном разорвалось по шву. Дин едва успел ухватиться за дверную ручку, когда «Импала» с пронзительным воем буксующих колес накренилась носом вниз и рухнула в зияющий черный провал.

Падение кончилось не ударом, а вязким, тягучим чавканьем.

Сэм толкнул заклинившую пассажирскую дверь плечом. Замок подался со второй попытки. Холодный воздух, ударивший в лицо, не имел ничего общего с подмосковным шоссе. В нем не было ни выхлопных газов, ни далекого гула высоковольтных линий — только густой, тяжелый дух сырого мха, сосновой смолы, березового дегтя и горького печного дыма.

Он вытащил из кармана телефон. На черном экране горела серая полоса: «Нет сети». Ни вышек, ни спутников, словно сам диапазон частот перестал существовать.

— Ни черта, — Сэм тяжело выдохнул, поднимая воротник парки. — Словно нас вырезали с карты ножницами.

С водительской стороны донеслось глухое ругательство, за которым последовал звонкий шлепок подошвы о сырую грязь. Дин обошел машину, держа в руке фонарь. Белый луч нервно скользил по лакированным бортам, выхватывая комья серой глины, залепившие хромированные молдинги по самые пороги. Колеса ушли в колею до половины ступиц. Двигатель молчал, остывая с тихим металли-

ческим потрескиванием.

— Она застряла, Сэм. Наглухо. Эта чертова ведьма утопила ее в навозе!

Дин резко прижал ладонь к груди. Под расстегнутой курткой, во внутреннем кармане, зашевелилось сухое тепло. Сэм шагнул ближе:

— Оберег?

Дин запустил пальцы за пазуху и достал дубовый солярный кругляш с резным громовником — подарок мастера Василия Петровича из Устюга. Дерево слабо тлело изнутри багровым, ровным жаром, отгоняя промозглую сырость вокруг ладони.

— Греется как печка, — процедил Дин, озираясь по сторонам. — Будто рядом высоковольтный провод пробило. Только проводов здесь нет.

Сэм перевел взгляд за границу света фонаря.

Впереди не было обочины. Вместо нее в мутные сиреневые сумерки уходила разъезженная тележная колея, стиснутая с двух сторон исполинскими, в три обхвата, замшелыми дубами. Чуть поодаль, на пригорке, темнел высокий бревенчатый частокол с заостренными кольями, из-за которого торчали коньки резных деревянных крыш. Ни фонарей. Ни проводов. Ни единого звука, кроме шороха ночной хвои и глухого карканья невидимой птицы в вышине.

— Дин... мы не в Подмосковье, — медленно произнес Сэм, сжимая кулаки в карманах. — Мы даже не в двадцать первом веке. Дорожная пограничница смела нас с тракта. Это закраина. Тридевятое царство, изнанка сказки.

Дин сплюнул под ноги и убрал теплый амулет обратно под куртку:

— Плевать, как этот чертов фольклор называется по метрике. Мы заводим мотор, цепляем лебедку и валим отсюда обратно в Канзас.

Из темной дубравы, перекрывая шелест веток, донесся дребезжащий старушечий смех, отдавшийся многократным глумливым эхом:

— Не рыпайся, железный лоб! До рассвета солнце круг замкнет — и ваша дорога зарастет полынью навеки! Кхекхе-кхе!..

Глухое дребезжащее эхо растаяло в кронах вековых дубов, оставив после себя звенящую лесную тишь. Дин еще пару секунд смотрел в непроглядную черноту между стволами, сжимая цевье обреза так, что кожа перчаток скрипнула, затем медленно опустил ствол и сплюнул в вязкую грязь.

— Отлично, — процедил он, вытирая рукавом дубленки мокрые капли со лба. — Помело с турбонаддувом, навигатор в отключке, а «Импала» сидит по уши в средневековом дерьме. Чудно... просто праздник какой-то.

Сэм шагнул ближе к частоколу, вглядываясь в щели между почерневшими от времени бревнами. За тыном угадывался просторный двор, но ни оконных огней, ни привычных крылец там не было. Вместо этого в самом центре двора возвышалась нелепая, громоздкая громадина — сруб из толстенных неструганых лесин, вкоряченный на две исполинские чешуйчатые лапы с кривыми когтями, глубоко врытыми в прелый мох. Крыша сруба покосилась, из кривой глиняной трубы лениво тянулся жирный сизый дым, а единственное слепое окошко смотрело кудато в сторону чащи.

Дин перемахнул через поваленную секцию частокола первым, даже не дождавшись брата. Грязь чавкнула под тяжелыми ботинками, но он упрямо зашагал прямо к глухой бревенчатой стене, уперев приклад обреза в плечо.

— Эй, пернатая! — рявкнул Дин, задирая голову к самому коньку крыши. — Хватит ломать комедию! Спускай свою курятину на землю и показывай дорогу обратно на трассу, пока я тебе в печную трубу пару зарядов картечи не заслал!

Сруб вздрогнул. Тяжелые бревна заскрипели с таким протяжным, леденящим скрежетом, словно стонала сама земля. Чешуйчатые лапы напряглись, вырывая из почвы целые пласты мха и камней, и избушка неуклюже, с оглушительным грохотом провернулась на месте — прямо глухой спиной к охотникам. Кривая труба фыркнула, выплюнув густое облако едкой черной сажи точно Дину в лицо.

— Тьфу, зараза! — Дин закашлялся, отплевываясь и вслепую вытирая щеку тыльной стороной ладони. Он дернулся вперед, пытаясь поймать в прицел упрямо крутящийся угол сруба, но изба тут же переступила на пол-оборота, снова подставляя глухую стену. — Ах ты ж... Стой на месте, фанера переросток!

— Дин, опусти ружье! — Сэм догнал его в три широких шага и схватил за локоть, отводя ствол вниз. — Ты только злишь ее! Это же пограничный дом, он не понимает угроз!

— А по-моему, он отлично понимает двенадцатый калибр! — огрызнулся Дин, перехватывая обрез поудобнее.

— Нет! Здесь работают законы фольклора, слово важнее железа! Дай мне попробовать! — Сэм шагнул вперед, убирая руки из карманов парки и выпрямляясь во весь свой внушительный рост. Он откашлялся, стараясь, чтобы голос звучал твердо, без привычной охотничьей хрипотцы, и произнес древнюю формулу: — Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом!

Грохот оборвался. Мох под ногами перестал дрожать. Избушка замерла на пару ударов сердца, затем с тягучим, натужным треском сухих лесин медленно развернулась обратно. Чешуйчатые лапы подогнулись, и тяжелый сруб с глухим уханьем осел брюхом прямо в сырую землю. Окованная почерневшим железом дубовая дверь со скрипом отворилась внутрь, выпуская в ночную прохладу волну сухого жара, запаха сушеных трав, горькой полыни и старого воска.

На пороге стояла хозяйка. Высокая, костлявая старуха с горделивой, почти царской осанкой. Темный бархатный кафтан с потускневшим медным шитьем сидел на ней как броня, а тяжелая железная пряжка в виде двух сплетенных воронов тускло блестела в отблесках печного огня. Длинные седые волосы, похожие на стальную проволоку, были схвачены на затылке

отполированными костяными спицами. Она обвела братьев ледяным взглядом бельмоватых, молочно-голубых глаз, словно просвечивая их насквозь.

— Чую, русским духом не пахнет, — пророкотала она низким, густым голосом, похожим на скрип вековых сосен под тяжелым снегом. — Железным духом пахнет, гарью да упрямством чужеземным. Не к добру вы ко мне пожаловали, странники.

Дин не стал тратить время на поклоны. Он шагнул на нижнюю ступеньку крыльца, резким движением сунул обрез за спину и выхватил из поясной кобуры проверенный «Кольт» девятнадцать одиннадцать, взводя курок.

— Нам плевать на твои приметы, бабуля, — глухо бросил он, глядя прямо в ее немигающие молочные глаза. — Либо ты прямо сейчас разворачиваешь свою колымагу и вытаскиваешь нашу машину на шоссе, либо мы проверим, как твои костяные спицы держат сорок пятый калибр.

Баба-Яга даже бровью не повела. В ее взгляде мелькнула лишь усталая, желчная насмешка.

— Порох ваш здесь — пыль сухая, милок, — спокойно произнесла она и лениво щелкнула сухими, узловатыми пальцами.

В стволе «Кольта» тихо, почти жалобно зашипело. Изпод затвора тонкой струйкой посыпалась серая, мертвая зола, пачкая кожаную перчатку Дина. Он машинально нажал на спуск — боек сухо щелкнул впустую, без единой искры.

— Чего?! — Дин дернул затвор на себя, глядя на рассыпавшиеся в прах патроны, и выругался сквозь зубы.

— Супротив правды этого места не попрешь, — отрезала Яга, скрестив руки на груди. — Железо ваше здесь слепо и глухо. Заходите в избу, коли жить хотите, пока рассвет дорогу не запахал. Да оружие свое мертвое у порога оставьте.

Внутри избы оказалось куда просторнее, чем выглядело снаружи. Огромная беленая печь занимала почти половину горницы, дыша ровным сухим жаром. В открытом шестке потрескивали березовые поленья, отбрасывая пляшущие тени на связки сушеного зверобоя, почерневшие от копоти матицы и тяжелый дубовый стол без единого гвоздя.

Дин стоял у самой двери, скрестив руки на груди и напряженно вглядываясь в каждый угол. Без заряженного ствола он чувствовал себя голым, и только тлеющее во внутреннем кармане куртки тепло дубового громовника напоминало, что они не совсем безоружны. Сэм же присел на краешек длинной лавки у стола, сцепив пальцы в замок и стараясь держаться максимально открыто.

— Мы не хотели нарушать покой вашего края, хозяйка, — мягко начал Сэм, перехватывая инициативу, пока Дин не ляпнул очередную глупость. — Нас столкнула с дороги пограничная стражница. Мы не из этого мира и не искали здесь добычи. Просто объясните, почему граница вообще разорвалась и как нам вернуться.

Баба-Яга медленно опустилась на резной стул у шестка. В свете огня ее заостренный костистый подбородок и глубокие морщины казались высеченными из старого дуба.

— Граница не сама треснула, книжник, — пророкотала она, глядя на пляшущие угли. — Тридевятое царство на справедливости держится, как изба на венцах. Пока в мире людском да в закраине честное слово вес имеет — тропы закрыты, каждый по своей колее ходит. А нынче перекосило мир.

Она повернула голову к братьям, и ее молочные глаза полыхнули отблеском огня.

— Ручей у межи замерз посреди лета от черного воровства — украли у его хозяйки последнюю искру тепла, оставили тварь в стуже помирать. Лес за оврагом оглох от людской лжи да предательства. А на дальнем перекрестке железо чужое живую землю рвет. Потому и провалились вы в щель, как камни в полынью.

— И при чем тут мы? — не выдержал Дин, шагнув ближе к столу. — Мы не воровали твою искру и не врали твоим деревьям. Дай нам карту, компас или что у вас тут вместо GPS, и мы свалим.

— Даром только вороны каркают, — жестко отрезала Яга. Она протянула руку к полке над печью и достала небольшой клубок, свитый из тонкой, тускло мерцающей золотистой нити. Даже в полумраке горницы нить светилась живым, ровным теплом. — Вот путеводная нить. Она сквозь любой морок к вашей железной повозке выведет и тропу обратно в ваш мир откроет. Но отдам я ее лишь тогда, когда вы три узла развяжете и баланс в царстве поправите.

Дин коротко, безрадостно усмехнулся:

— Дай угадаю. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что?

— Почти угадал, — сухо отозвалась старуха. — Три завета. Первый — вернуть похищенное тепло в гиблый овраг, где болотница от стужи задыхается. Второй — рассудить спор в глухом бору без единой лжи. Третий — остудить гнев лесного хозяина. И главное условие: ни капли крови в моем царстве пролито быть не должно. Ни ножом, ни кулаком, ни вашим мертвым железом. Прольете кровь — нить в прах рассыплется, а вы тут до скончания века бродить останетесь.

Дин резко выпрямился, сжимая кулаки. Правая рука привычно дернулась к поясу, где в кожаных ножнах покоился тяжелый охотничий клинок.

— То есть ты предлагаешь нам сунуться в логово к местным тварям с голыми руками? — прошипел он, глядя на старуху с плохо скрываемой яростью. — Это не сделка, бабуля. Это чистой воды фольклорный шантаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.